

Н. Л. Пушкарева

«ЖИВЯ И ТРУЖДАЯСЬ В ПОДИВЛЕНИЕ ОКОЛЬНЫМ ЛЮДЯМ»

(Женский труд и женские занятия в структурах российской повседневности X - XVII вв.)

Во все времена человек, чтобы жить, должен был заботиться о питании, одежде, жилище. Эта сфера его повседневного существования всегда привлекала внимание ученых. Однако, несмотря на все их усилия, в большей мере оказались исследованными результаты хозяйственного прогресса и в меньшей - образ жизни, повседневный труд, отношение к нему современников. Особенности же «женского труда» допетровской эпохи, а тем более оценки и представления о нем вообще не изучались. Между тем, в условиях цивилизации, ориентированной на потребительское хозяйство, когда господствовали ценности, чуждые современному сознанию - производство и распределение предметов первой необходимости, ведение хозяйства, надзор за челядью, прислугой - роль женщины в домашней и внесемейной экономике была весьма значительна.

О том, что считалось «женской работой», как работали женщины, как относились они сами и общество того времени к их труду в ранний, «домосковский» период (X - XV вв.), исследователи могут судить лишь по крайне скудным и немногочисленным упоминаниям в нарративной литературе, судебных актах, случайным записям на полях книг, редким свидетельствам частной переписки (новгородским берестяным грамотам). В изобразительном материале X - XV вв. (фресках, миниатюрах) женщины, если и присутствуют, то никаких функций не выполняют, создавая лишь «толпу».

Менее всего известно о повседневной работе сельских жительниц Древней Руси, составлявших большинство населения. Чувство неуверенности в материальной обеспеченности и неуверенности духовной - определяло их поведение. Ежедневная работа в поле и по дому занимала у женщин из непривилегированных слоев общества подавляющую часть светового дня. «Труждались» в поле и дома все члены семьи, в том числе женщины, так как буквально над каждой семьей в Древней Руси постоянно висела угроза голода. Частые неурожаи были подлинным бедствием в X - XV вв., уносившим человеческие жизни, подобно эпидемиям. Хлебные нероды заставляли порой древних русов покидать насиженные места целыми семьями, продавая (как мать некоего Гордея, автора берестяного письма XII в.) или даже просто бросив старое жилье с хозяйством при нем (22, с. 218 - 223; 34).

Позже, в эпоху складывания единого государства (XIV - XV вв.) качество жизни, особенно в городах, по сравнению с ранним периодом, заметно повысилось, но принцип

самообеспечения преобладал. На массовом уровне потребности людей и характер их потребления во многом определялись климатическими условиями. Средневековым русам жилось тяжелее, чем жителям юга Европы: морозный и холодный климат требовал большего количества пищи, иной структуры питания (значительной роли белковых продуктов), но он же позволял хранить подолгу съестное на «ледниках» (в погребах). Забота о том, чтобы в них всегда был запас продуктов, лежала на женщинах. Итальянец А. Контарини специально отметил, что «в конце ноября сельские жители убивают своих коров и свиней и вывозят их на продажу», причем хозяйки и слуги покупают мясо целыми тушами и, таким образом, «употребляют в пищу животных, убитых за три месяца и более» (1, с. 108).

На плечах женщин лежала и забота о домашних животных, содержавшихся в холодное время года в небольших клетях вблизи домов или в самих домах. Даже в XVII в. иностранные путешественники отмечали, что «женщины у них доют коров, с которыми живут в одной избушке» (41, с. 138). Загодя приходилось заготавливать корм скоту на зиму: в культурном слое XI - XIV вв. археологам часто встречаются серпы и косы-«горбуши», которыми женщины работали, заготавливая солому, сено.

Недостаточно высокий уровень развития сельскохозяйственной техники (орудия делались преимущественно из дерева с железными рабочими частями) обуславливал высокие временные затраты при выполнении работ. Вряд ли в средневековье существовало ролевое и функциональное разделение обязанностей, какое-либо деление на «мужской» и «женский» (более легкий) труд. Женщины работали наравне с мужчинами, в том числе, вероятно, и во время посевной, и на пахоте, и при сборе урожая, и при его обработке. Древнейший русский закон - «Русская Правда» подтвердила распространенность ситуации, когда «жена с дочерью» «страдавали» за умершего мужа и отца из расчета: год «страды» за одну гривну долга господину (18, с. 148).

Выполнение женщинами ряда производственных операций в поле и в огороде требовало от них подчас не только ловкости или сноровки, но физической мощи. Одна полвка огорода (воду носили кувшинами) могла занять до половины суток. Когда грядки обрабатывались примитивными деревянными «заступами» и мотыгами-«лыскарями», огородничество также требовало немалых усилий. Часто работа, делавшаяся женщинами, была просто непосильной. Она безвременно старила сельских жительниц, несла с собой не только «руцци посиневшие и опухшие», но и куда

более серьезные болезни, преждевременные смерти (27, с. 8, 59, 91).

Поскольку в условиях натурального хозяйства масса предметов домашнего обихода должна была производиться домашним способом и из местного сырья, постольку на плечах женщин в крестьянских семьях лежала немалая часть дел, связанных с одеждой (24, с. 476; 26). Вместе с мужчинами их жены, сестры, дочери, невестки мяли лен, теребили и трепали пеньку, сучили и чесали нити, стригли овец специальными ножницами, «били» и валяли шерсть. Вечерами же пряли, ткали грубое полотно. Многие умели выделывать меховые шкурки на верхнюю одежду и кожу на кожаные «поршни» (в одной из берестяных грамот содержится приказание ремесленницам «посолить» свежую кожу, но не «пелить» (пялить, распяливать) «ничимо же») (29, с. 100). Некоторые женщины умели драть лыко на лапти, кроить и шить головные уборы, одежду, обувь - так что «все свои ее одени» (одеты) были (35, с. 34; 25, с. 13).

Некоторые необходимые предметы прядильной и ткацкой работы, в частности круглые глиняные пряслица и деревянные веретена, сохранили имена владельцев - «Поллин пряслень», «Потворин пряслень», «Бабин пряслень», «Иринин» (29, с. 178 -182). Находки веретенных пряслиц, равно как длинных игл и точилок для них буквально во всех женских захоронениях домонгольского времени свидетельствует о том, что прядение и последующие операции по производству ткани и шитью одежды буквально «от веку» считались «женскими». Об этом говорит языческий культ древнеславянской богини ткачества - Мокоси, которая изображалась в виде женщины, пальцы которой обращаются в гребни прялок (типичный мотив архаической вышивки) (14, с. 5 - 9; 12, с. 474).

Тексты новгородских берестяных грамот свидетельствуют о том, что женщины, занимавшиеся ткачеством и производством одежды, обменивались друг с другом информацией об этом, обращались с просьбами, давали распоряжения служанкам. Такого рода случай описан новгородской берестяной грамотой № 21 (XV в.): «Уозцинку выткала и ты ко мне пришли, а не угоди це с кымь прислать - и ты у себя избели...») - то есть записка сохранила и отразила взаимоотношения между мастерицей, работающей на заказ, и заказчицей. С XIV в. в русских городах уже существовала профессия вышивальщицы. Частично утраченный образец письма-расчета о заказе на вышивку сохранила берестяная грамота № 228 (XIV в.), в которой заказчик или заказчица перечисляют предполагаемые операции, за которые будет выплачено по расценкам: стирку и белиение полотна («хама»), а затем его расшивание («зелоньм»), «цэрленьм»), «жолтым шолкам»). Немало женщин-холщевниц и белильщиц было в новгородских ремесленных «рядах» (29, с.22; 4, с. 124).

Женщины непривилегированных сословий Древней Руси рано овладели сложным тканьем с узорами, работая на простом ткацком стане. Это женское «трудданье» требовало большого умения, необычайного терпения и внимания. Легче было вышить орнамент на готовой ткани или нашить его как полосу сверху (археологам известна такая тканая лента, предназначенная для нашивания на начальник княгини Анны, матери в. кн. Владимира Святославича). Однако на праздничной и парадной одежде знати рисунок был вытканым. Курганные древности, находки археологов в культурных пластах XIII - XIV вв. и особенно книжные миниатюры свидетельствуют, что древнерусские женщины достигли в прядении, ткачестве и вышивках изумительного мастерства. И хотя многие ткани княжеских одежд были привозными, однако уже к XII в. некоторые древнерусские мастерицы освоили особый прием вышивки («клопец») - ручное подражание роскошным импорт-

ным аксамитам (38, с. 75).

В иконографических изображениях женщины, сидящие за ткацким станком, предстают исполненными достоинства, радости и спокойствия - в том числе и ремесленницы-профессионалки, и обычные вотчинные вышивальщицы[^] которых обучали и содержали в крупных хозяйствах великих княгинь - жены суздальского князя Константина Аграфены, Олены (Елены) - супруги князя верейского Михаила Андреевича (15, с. 194). Женская «страда»-- работа по производству льняных и шерстяных нитей - не всегда была работой «в удовольствие». Подготовка льна (теребление, мочка, сушка, трепание), прядение льняных нитей, ткачество и плетение были формами барщинных повинностей. «Скатертное» и «портное» - если судить по грамоте Ростислава Мстиславовича - были уже в XII в. статьей оброка. Лен женщинам-труженицам приходилось сдавать коробьями, пряжу - пасмами (мотками), козий пух - «полосцами» (сваленными в полоску). Во владениях «посадницы» Марфы Борецкой (конец XV в.) боярские холопки и зависимые крестьянки ткали под наблюдением особой ключницы Большого Двора полотно из льна, собранного по всей вотчине (3, с. 596; 10, с. 25).

В конце XIV в. у древнерусских прядильщиц появились самопрялки, приводимые в движение маховым колесом с помощью ножной педали. Они существенно облегчали и убыстряли работу, но были принадлежностью лишь крупных хозяйств. Впрочем, в «Повести о Петре и Февронии» XVI в. упомянута «кросна» - горизонтальный подвижной ткацкий стан - как орудие, на котором работала дочь крестьянина. Упоминания среди мелкого оброка, выплачиваемого в XIII - XIV вв. крестьянками феодалам, «усчины», «вотолы», «ряднины», «частины», сурового и беленого полотна, утиральников, попон и других продуктов ткацкого производства, свидетельствуют о наличии кроен в каждом крестьянском хозяйстве и умении работать на них буквально всех женщин. Известно также, что в крупных хозяйствах типа вотчин звенигородского князя Юрия Дмитриевича (начало XV в.) или «посадницы» Марфы Борецкой (конец XV в.) имелись специальные «ставные дворы», в которых крестьянки ткали полотно для своих господ (10, с. 25). Некоторые документы даже позволяют утверждать, что к XV в. появилась особая специализация в «женском ткачестве»: среди исполнительниц господских заказов в составе приданого за дочерью, данного вдовой московского боярина Ксенией Ивановной Плещеевой, названы «бралья скатерница» и «девка-тонкопрядица» (20).

В элитной среде «прилежание пяличное» давало не меньший, а освобожденное от гнета обязательности, даже больший импульс для проявления индивидуального вкуса и самоактуализации женщины. Работы «люботрудниц» - царицы Анастасии Романовой (первой жены Ивана Грозного) и царевны Ксении Годуновой (дочери царя Бориса) хранятся сегодня в ризнице Троице-Сергиевой лавры. Не менее известны и прикладные работы знаменитой интриганки середины XVI в. Евфросины Старицкой, удаленной Иваном Грозным с политической арены в Воскресенский женский монастырь на Белоозере. Для ее неуемной энергии необходим был выход, и потому организация на Белоозере, а затем и в Горицком монастыре знаменитых золототкацких мастерских стала формой «замещения» деловой активности княгини (6, с. 40; 50, с. 12 -15).

И хотя источники, отразивших отношение самих женщин к их труду, в том числе домашнему «хитроручному изрядству» как его особому виду, казалось бы, нет, трудно убедиться, что от женщин неизменно требовалось неформальное, творческое отношение к делу. В отличие от представительниц низших социальных слоев, для которых труд был вынужденной необходимостью, женщины при-

вилегированных сословий «прилагались ручному делу» не по экономическим мотивам. Для них, родившихся или принадлежащих к семье венценосцев, их «подружий» и боярынь, равно как для некоторых менее знатных княгинь и княжон, в том числе «приммших мниший чин», неспешное и несуетное вышивание и золототкацкое дело превратились в особую форму самовыражения. Трудясь «каждо в своем звании неленносно», знатные аристократки руководили и сами участвовали в создании произведений прикладного искусства («руками дело честно своими робили»). Так возникали образы, полные умиротворенности и спокойствия, выражавшие проникновенное понимание их исполнительницами идей христианской дидактики (37, с. 15).

Очевидно, что большинство повседневных эмоциональных отношений и связей возникало у женщин в процессе выполнения ими различных производственных операций. Девочек начинали готовить к домашним работам с 4-5 лет, целенаправленно обучали с 7 лет (в том числе и в княжеско-боярской среде). Появление в сборниках для назидательного чтения тезиса о педагогическом значении работы относится к сравнительно позднему времени (не ранее XVI в.), когда труд стал пониматься как средство самообуздания и самовоспитания. Тогда же самоотверженная работа женщины стала приравниваться к самоотдаче в молитве, подвигу благочестия (36, с. 366; 53, л. 165). В XVII в. отношение к женскому труду как к норме жизни отразилось в «Сказании о Дракуле», в котором плохая работа оказалась приравненной к преступлению (Дракула, увидев на каком-то человеке рваную рубашку, приказывает наказать его молодую жену: «Почто ты леность имевши к мужу своему? Он должен... тебе хранить, а ты срачицы не хочешь ему учинити, а здрава сущи телом! Ты еси повинна...») (46, с. 560).

Составитель «Домостроя» протопоп Благовещенского собора Сильвестр, подробно расписав, как учить дочерей «всякому порядку, и промыслу, и рукоделию», невольно выразил собственную оценку роли «трудового обучения» в частной жизни матерей и воспитываемых ими девочек. Поздние нарративные тексты упоминали уже девичье «прилежание в предивенном пяличном деле», а также «хитро-ручное изрядство» и «шелковидное ухищрение» в контексте положительных характеристик юных невест (34, с. 98). Отмеченная Сильвестром рачительность хозяйки к каждому кусочку, крошке, лоскутку, воспитываемая в девушках с детства, показывает, насколько ценились в частной жизни человека допетровского времени все эти блага: еда, питье, одежда. Об этом же говорит и зарисовка житийного чуда в «Повести о Петре и Февронии» (XVI в.), зафиксировавшая не только исключительное уважение москвича к хлебу, но и «уязванность» назидательной идеи беречь хлеб с образом женщины как воспитательницы. В одном из писем матери к сыну, в котором говорится об отсылке ему в подарок «скатерти немецкой, а другой расхожей», автор письма заметила: «И ты, свет мой, на ней кушай, не береги, а нас не забывай...». Это «не береги» весьма характерно: оно выдавало хозяйское, бережливое отношение матери к добротным вещам.

Православная идея «воспитания работой» не противоречила и народной традиции, которой была свойственна поэтизация труда. Если в православных текстах труд часто подразделялся на престижный «мужской» (пахота, строительство) и не столь престижный «женский» (приготовление пищи, уход за скотиной, ткачество), то народная традиция уважала любой труд в равной степени. В фольклорных и письменных источниках часты упоминания мужчин, занятых приготовлением пищи, и женщин, выполняющих «мужскую» работу. Такие сведения есть и в сказках, и в пословицах. Посетивший Россию в конце XVII в. посол Ри-

ма в Москве Я. Рейтенфельс вообще отметил, что «женщины трудятся на полях гораздо более, чем мужчины» (41, с. 139).

Быт и работа незажиточных горожанок во многом напоминали образ жизни в деревне. Как и в сельской местности, женщинам в городе приходилось заботиться о заготовке продуктов впрок, следить за их сохранностью, уметь распределять заготовленное на более или менее длительные сроки. Вставать женщинам в городе приходилось, как и крестьянкам, очень рано, засветло. Церковные правила, осуждавшие тех, кто «ленящиеся лежат» по утрам, закрепляли лишь то, что складывалось традиционно. День начинался с забот о тепле и воде. Последнюю приносили ежедневно из колодцев - ведрами на коромыслах, кувшинами, которые, кстати говоря, подписывались теми, кому они принадлежали («Федорин кувшин»). Каждая хозяйка должна была уметь управиться с длинным ухватом, которым ставились в печь специально предназначенные для готовки в ней глиняные горшки. И хотя, по словам заезжих иностранцев, в большинстве домов «посуды было немного: 3-4 глиняных горшка и столько же глиняных или деревянных блюдец», тем не менее и эта нехитрая домашняя утварь требовала ухода, что, вероятно, было тоже «женским делом» (47, с. 56). Немец Адам Олеарий, прибывший в Россию в XVII в., заметив, что серебряная чаша, в которой ему подали вино, почернела, немедленно заподозрил в том «ленивую хозяйку, которая год, а может быть и никогда, ее не чистила» (30, с. 193 - 194).

Хотя некоторая часть посуды типа братин и эндов использовалась за столом вкруговую, большинство предметов были все же индивидуального пользования (ложки, тарелки, чары, чаши и иные сосуды для питья, которые можно увидеть на миниатюрах, изображающих свадебные пиры). Она требовала значительного времени для содержания в чистоте, что, по мнению итальянца А. Контарини, в условиях «невероятных» морозов «было непросто» (39, с. 25; 21, с. 23).

Нелегким было в X - XVII вв. и приготовление повседневной и праздничной пищи - дело, также традиционно считавшееся «женским». В питании большинства горожан и крестьян допетровского времени преобладали мучные продукты. В XI - XIII вв., чтобы растереть зерна ржи, ячменя, овса, проса на ручных мельницах (жерновых поставах), растолочь их в деревянных ступах с массивными металлическими пестиками, przygotowляя самое распространенное (по крайней мере с XI в.) и часто упоминаемое в письменных источниках блюдо - «кашу», нужно было приложить немало усилий и затратить много времени. О тех, кто готовил пищу («сочиво» - кашу из бобовых) для стола зажиточного руса XII в., было сказано, что они «работают и делают *съ потьмь*» эту работу (52, с. 29 - 30).

Об особенностях и тем более рецептах приготовления повседневных и праздничных блюд в домословское время ничего не известно. Вероятнее всего, пища готовилась просто: археологам неизвестны сложные конструкции кухонной утвари, позволявшие изобретать и применять какие-либо кулинарные изыски. «Несытность» пищи (малое количество белков) компенсировалась ее объемом.

Молоко и молочные продукты использовались как в натуральном, так и в сквашенном виде (сметана, «сыр» - в смысле творог), что говорит о рачительном отношении древнерусских хозяек к продуктам питания и знании ими способов сохранения скоропортящейся еды (45, с. 75). Известные по раскопкам культурных слоев древнерусских городов мутовки для сбивания сливок, сработанные из еловых сучковатых палочек, позволяют подтвердить предположения об усложнении рациона питания со второй половины XIII в. Удобные хозяйственные приспособления типа мутовок нередко помечались их обладательницами, чтобы не быть потерянными. Берестяные ярыльчики с пометками (именами хозяек), которые привязывались к предметам домашнего обихода - весьма частая находка среди

новгородских древностей.

Сравнительно подробно из повседневных кулинарных занятий женщин может быть описано приготовление хлеба. В X - XIII вв. мельничное дело еще не выделилось в особую ремесленную специальность, поэтому молоть зерна на «състроение хлебное» женщинам приходилось «поставив жерновы, своима руками», как то делала мать Феодосия Печерского (XII в.). Достаточно одного взгляда на части каменных жерновов ручной мельницы дмосковского времени, чтобы удивиться тому, как подобная длительная и трудоемкая операция выполнялась представительницами «слабого пола». В дух живот...» (цит. по: 51, стб. 372).

Из овощей древнерусские бедных семьях, не имевших возможности оплатить услуги мельника, эта обязанность всегда лежала на плечах женщин, хотя в церковной литературе иногда можно встретить утверждение, что это работа мужская, в отличие от собственно выпечки.

Хлеб выпекался женщинами в Древней Руси чаще всего кислый, с помощью «укропа» (теплой воды с солью). «Хлеби чисти зело» (обычный) готовился на каждый день, а на праздник вся семья могла ожидать от хозяйки «хлебов съ медьм и съ макьм творени» - сладких (правда, выпекать хлеб на воскресенье и праздники хозяйка должна была накануне, в сам «господский день» работать запрещалось) (35, стб. 123 (под 996 г.)). Обязательный набор составных частей при выпечке хлеба современница Владимира Мономаха могла знать из Послания митрополита Никифора (начало XII в.): «... хлеб есть свершен: мука аки тело, квас - аки душа, соль - аки ум. вода же - аки женщины отдавали предпочтению капусте и репе. «Огород с капустником» впервые упомянуты в Грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславовича 1150 г., но о способах приготовления произраставших там «зелий» существуют лишь догадки. Вероятнее всего, овощи жарили, варили или парили в котлах и горшках, получая нечто вроде похлебки («ухи») из овощей с мясом или рыбой. Одним из наиболее древних овощных блюд, готовившихся женщинами в древнерусских семьях был «бърщ» (51, с. 1328).

Рачительные и домовитые «жены» домосковской Руси знали немало секретов изготовления различных напитков - кваса (самое раннее упоминание 996 г. в Повести Временных лет), «житнаго» пива, медов, в том числе «чистаго» и «пъпьянаго» (настоенного с перцем), которые состояли «из чистого меда с листьями хмеля» и хранились в огромных глиняных корчагах, зарытых в землю, «бъчках» и «кадах». Стояли все эти сосуды в особых погребах («медушках»), куда женщинам приходилось, вероятно, не раз спуститься в течение дня. Иностранцы путешественники (например итальянец Амвросий Контарини, побывавший в русской земле в XV в.), отмечали, что «хмельной напиток, готовившийся из меда с хмелем... весьма недурен, в особенности, когда он стар». Надо думать, что древнерусские хозяйки того времени (пользуясь лексикой автора «Хождения Богородицы по мукам» - мудрые «икономки») знали оптимальные сроки хранения медов и подачи их к столу (35, стб. 124 (под 1146 г.)).

О том, что варить меды и пиво приходилось очень часто именно женщинам, свидетельствует новгородская берестяная грамота № 3 (XIV в.): «... он прислал к Федосье[е]: вари ты пиво, седишь на безатыдине, не варишь жито...». Крестьянка (Федосья) в этой грамоте предстает не выполнявшей барскую повинность по варке пива. «Безатыщина» - земельный участок отца, не имевшего сыновей - достался ей вместе с оброчными обязанностями, и Федосья, получив его, оказалась вынужденной выполнять повинности родителя, варить «жито», настаивать «пив[о]». Другая грамота № 586 (XII в.), являющаяся обрывком-памяткой о том,

что необходимо «взяти» хозяйке, перечисляет среди прочих продуктов вишни, вино и винный перкус («гарус»), которые в совокупности с медом могли быть использованы для «взвара» напитка. В свою очередь, покаянная литература XIII - XV вв. пестрит наказаниями тем «женкам», которые, приготовив домашние меды, «упились до безпамятства» (19, с. 110).

Повседневная готовка требовала от женщин проявления ловкости, сноровки, готовности к экспериментированию. И хотя по словам барона Августина Майерберга, побывавшего в России уже в период правления царя Алексея Михайловича (XVII в.), обыкновенный стол москвитов «никогда не нарушал правил умеренности», хотя церковные дидактики наставляли своих прихожанок в греховности «лакомства» (32, с. 271) - все же благодаря ежедневному кулинарному творчеству русских женщин у москвитов XVI - XVII вв. развился вкус к сложно приготовляемым блюдам, стал разнообразнее праздничный и повседневный стол. Правда, это касалось лишь зажиточных горожан и знати.

Поразившие некоторых из иностранцев кулинарные изыски русских хозяек - жаркое из вымоченных в уксусе и пряностях лебедей или «малиновый мед» (41, с. 138; 30, с. 204) - были результатом повседневного женского творчества в области искусства приготовления пищи, обмена кулинарными «хитростями» между женщинами-соседками. Русские просветители XVII в. в своих педагогических сочинениях настаивали на том, что умение стряпать, домашние секреты в этой области должны передаваться от матерей к дочкам «измлада». Так оно, вероятно, и было.

В зажиточных семьях Древней Руси и Московии XVI - XVII вв. женщины, разумеется, не столько готовили сами, сколько были распорядительницами в своих больших хозяйствах. Примечательно, что к середине XVII в. в русской литературе появились героини, поведение которых оказалось окрашено красками «живства» и «подвижности» (11, с. 190 - 195). Именно в таком тоне и ключе стало изображаться отношение женщин к работе, причем именно не к мелочным домашним обязанностям, а к деятельности в широком смысле слова. Одна из повестей XVII в. утверждала невозможность успешной деятельности, когда «на душе му-тица», «делать ничего не хоцет[ца]», косвенно признавая результативность лишь того труда, который превратился в душевную потребность. Этой мысли вторила другая повесть, героиня которой «так стала жить и туждаться, что в подивление всем окольным людям», «с великою борзостью, с большим заводом (побуждением других к таким действиям. - Н. П.), и которым все «дивовались» (23, с. 311, 312, 318).

В отличие от женских образов, созданных фантазией и мастерством самоуглубленных вышивальщиц XVI в., женские образы на фресках XVII в. призваны были дополнять картину светлого, мимотекущего и многомятежного мира. Лица женщин на них не безучастны, не бесстрастны, поскольку сами «героини» захвачены оживленной деятельностью, находятся в состоянии движения». «Празднохождение» женщины окончательно оказалось причисленным к грехам, в которых необходимо каяться: от любого человека, и от женщины в том числе, ожидалось постоянное участие в какой-то деятельности. Пользуясь языком Сильвестра, представлявшего домохозяек, женщины середины XVII столетия стали хлопотуньями, которые «сами накаож, некоторыми делы, опрочь немощи, без дела не были» (13, с. 41).

Толчком к изменениям в общественном сознании, в умонастроениях москвитов второй половины XVII в., ставших преобразований, послужило усиление втягивания женщин в дела распоряджения и управления земельными владения-

ми. Документы земельных сделок середины и второй половины XVII в. рисуют увлекательную и во многом неожиданную картину активной хозяйственной и предпринимательской деятельности землевладеллиц, прежде всего помещиц. Сами обстоятельства - постоянные и частые отлучки мужей на «государеву службу» - заставляли «жен дворянских» подолгу выполнять функции управительниц поместий, показывая себя властными и расчетливыми домодержимицами. В пользу этого говорит количество сделок второй половины XVII в., заключенных женщинами от собственного имени и по поручению мужа (57, с. 24).

Изменившиеся роль и формы участия женщин привилегированного сословия в распоряжении земельной собственностью оказали влияние и на их взаимоотношения с членами семьи. Главный источник для характеристики отношения самих женщин к их разнообразной деятельности - их письма. Их от второй половины XVII в. сохранилось более двух десятков. Содержание писем свидетельствует о том, что женщины занимались хозяйственными делами не «с принуждением», «не безучастно», как то показалось агенту английской торговой компании Джерому Горсею, а напротив, были «во многом имении крепкоблужительны и и никоей тщеты не творящими» (9, с. 260).

Хотя значительная часть женщин принадлежала к собственницам личных земельных угодий, далеко не каждая из них располагала «прикащиками» или ключницами (которые ежедневно отчитывались перед своими хозяйками о выполнении поручений), поэтому управлять своей «землицей» дворянкам приходилось самостоятельно. Немалыми трудностями организационно-экономического характера диктовались жалобы помещиц на неисполненность тех или иных распоряжений, отсутствие или нехватку денег, ими же объяснялся униженно-просящий тон ряда женских писем (8, с. 34). Однако «тон» переписки мужчин и женщин второй половины XVII в. предстает в ином свете, когда в поле исследовательского анализа попадают послания самих «служивых» женам и сестрам, реже - дочерям. Тон в них уверенно-распорядительный: «Ты, сестрица, *прикажи* смотреть[ь], чтобы безоборочно рыбы не ловили», «деньги *изволь прислать не мешкав*», «*прикажи половить* рыпки и на мою долю...» (21, с. 11 - 12).

Главы семейств почитали совершенно естественным оставлять дом и немалое хозяйство, в котором вечно кто-то «бегал», «не слушал», «не доправлял» и «не сыскивал», на попечение своих жен, сестер или же взрослых (замужних) дочерей с их мужьями (16, с. 142). Женщины принимали такое положение как должное. Тон их писем по экономическим вопросам, написанных не родственникам, а посторонним людям, отличала сухая деловитость и лаконичность, отсутствие каких бы то ни было отличий от их отцов и «супружников» в стиле общения с челядью («вели купит[ь], же. Правда, хозяйственные распоряжения, в том числе «сохрани», «не пусти», «вели прислать»). Впрочем, чисто эмоциональную окраску некоторых отношений и связей собственниц и зависимых от них должников или просто малоимущих родственников тоже не следует сбрасывать со счета: 17, с. 38 - 41).

Отчасти такое положение сложилось оттого, что «же-вдовьяго или «кормиличного» пенсионера или его повышении, оны дворянские» (реже - вместе с дочерьми), отвергнув крещение в православную веру (царицы часто выступали шие, по словам летописца, «женскую немощь и вземши мужскую крепость»), занимались во время длительных отлучек мужей организацией всей (а не только экономической) жизни своего имения. За период супружества они стремились накопить более или менее приличный «капитал», чтобы обеспечить приданым дочерей и себя до конца жизни и не

на голодное существование, автор «Слова о милости» (XVII в.) Евфимий Чудовской). «Сухие» материалы земельных сделок и тех частных писем, которые касались распоряжения недвижимостью, характеризуют роль женщины в русской семье допетровского времени именно как роль лица, ответственного за будущее всей семьи, ее организующего центра (48, л. 901).

«Государыни дома», как их уважительно называл Сильвестр, занятые распоряжениями слугам и помощникам, постоянно вынуждены были вступать в непосредственное общение с ними, куда более тесное, нежели главы семей. Создавая образ идеальной, рачительной домоправительницы, автор «Домостроя» имел, наверное, перед глазами пример своей семьи и матери - жены крупного вотчинника. «По утру восставши по звону», посоветовавшись с мужем «о устройении домовнем, на ком что положено и кому какое дело приказано ведати», хозяйка дома, по его словам, должна была «наказати» всем слугам и работникам как «что устроити, ести и пити про гость и про себя», и «купити на обиход», и «купив что, сметити». За сметой следовали распоряжения рангом ниже - по поддержанию чистоты в доме, поручения «мастерицам и швеям». «Госпоже строго наказывалось «всегда дозирати и спрашивати слуг о нужи и о всякой потребе». Напротив, «немилосердие о своих домоладных», невнимание к ним, а уж тем более «убойство», «за влася рвание» «вкусение зубов» (вероятно, в состоянии аффекта случалось и такое!) требовало многодневного покаяния, признания вины - и не только перед священником, но и перед пострадавшими от «неуправления» (13, с. 28).

Иерархическая зависимость женщин разных поколений, распределение семейных ролей, принятие такого «порядка», высокий авторитет старшей женщины в повседневной, в том числе хозяйственной, жизни, заставляют не только признать очень раннее складывание отношений господства и подчинения между представительницами разных поколений в неразделенной семье. Картина живой и многотрудной деятельности женщин из среды состоятельных горожан московского общества позволяет задуматься о том, насколько справедливы расхожий стереотип, рисующий знатных московиток XVI - начала XVII в. бесправными «теремными затворницами», прозябавшими в скуке и в темноте.

Даже частная жизнь цариц была не совсем такой, какой ее привыкли представлять, как ее описали иностранцы и опиравшийся на их «записки» знаменитый книгоучитель XIX в. И. Е. Забелин. «Предметом для размышлений» цариц и их окружения были по утрам не только «женския рукоделия» (1634 г.), которые они принимали по ведомству Постельничего приказа, определяя расходы, выдачи, покупки, а также отвечая на челобитные, чаще всего от женщин (28, № 16, с. 53). Лица цариц, выбранные ими самими или их мужьями (28, № 17, с. 38 - 41). Основную часть челобитных и писем на имя цариц составляли просьбы о благословлении на брак (особенно среди приближенных ко двору), назначении

вдовьяго или «кормиличного» пенсионера или его повышении, оны дворянские» (реже - вместе с дочерьми), отвергнув крещение в православную веру (царицы часто выступали шие, по словам летописца, «женскую немощь и вземши мужскую крепость»), занимались во время длительных отлучек мужей организацией всей (а не только экономической) жизни своего имения. За период супружества они стремились накопить более или менее приличный «капитал», чтобы обеспечить приданым дочерей и себя до конца жизни и не

Все женщины - даже те, кто в силу обстоятельств был «малыми детьми» (именно так охарактеризовал - без тени всего рассмотренного времени (X - XVII вв.) в многообразную трудовую и организационную деятельность, хотя бы в пределах

домохозяйств или собственных вотчин. В доиндустриальную эпоху домашняя сфера и домашняя экономика были жизненно важными: дом был подлинным ядром, ячейкой жизни семьи. И женщины «правили» там, пока мужчины «господствовали» в политике, администрации, военном деле, то есть во внедомашней сфере. Оценивая значимость «женского» труда и «женской» работы в то время, необходимо избавиться от стереотипа восприятия их как «подневольных», «унизительных» или «служебных».

Библиографический список

1. Барбаре и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Я., 1971.
2. Барская Н. Образы жен-мироносиц у гроба // Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993.
3. Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века // Сборник, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909.
4. Борковский В. И. Новые находки берестяных грамот // Вопросы языкознания 1953. № 4.
5. Бунташный вею Сб. док. М., 1983.
6. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.; Я., 1966.
7. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, XII а // Русская историческая библиотека. Т. 4. Вопр. 1, 15, 48.
8. Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 12.
9. Горсей Дж. Записки о России XVI - начала XVII в. М., 1990.
10. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV - XV вв. М., 1955.
11. Демин А. С. Активность литературных героев и деловая жизнь России второй половины XVII в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
12. Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 11.
13. Домострой / Подгот. В. В. Колесовым, В. В. Рождественской. М., 1994.
14. Ильинский Г. Из истории древнеславянских языческих верований // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3 - 4.
15. История русского государства / Под ред. И. Грабаря. М., 1965. Т. 3.
16. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII - начала XVIII века / Подгот. С. И. Котков, Н. П. Панкратова. М., 1964. № 149.
17. Казанская история. М.; Л., 1954.
18. Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI - XIII вв. // КСИИМК. М., 1952. Вып. 47.
19. Контарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1476 - 1477 гг. // Россия XV - XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
20. Копии актов Троице-Сергиева монастыря // Российское отделение Санкт-Петербургского филиала института российской истории РАН. № 468 (1514 г.).
21. Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник // Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII - начала XVIII в. М., 1964.
22. Кочин Г. £ Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, конец XIII - начало XVI века. М.; Л., 1965.
23. Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964.
24. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. (Труды Института этнографии; Т. 21).
25. Левашова В. П. Об одежде сельского населения Древней Руси // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40.
26. Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Труды ГИМ. М., 1964. Вып. 33.
27. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: Издание С. И. Смирнова. 1913.
28. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968. № 16, № 17, № 36, № 37, № 38, № 43.
29. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984 - 1989 гг. М., 1993.
30. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905.
31. Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. I.
32. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб.: Изд. Арх. комис., 1911.
33. Письмо В. В. Голицину от матери его, кн. Татьяны Ивановны: Переписка княжеской семьи Голицыных // ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12.
34. Повесть об Ульяне Осорьиной, XVII в. // ПЛДР. М., 1988. Вып. 7.
35. Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I. Под 971, 1169, 1182 гг.
36. Полоцкий С. Вечер душевная // Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пе., 1918.
37. Полоцкий С. Труд // Избр. соч. / Подгот. И. П. Ереминым. М.; Л., 1953.
38. Порфиридов Н. Г. Древний Новгород: Очерки из истории русской культуры XI - XV вв. М., 1947.
39. Просвиркина С. К. Русская деревенская посуда // Труды ГИМ. М., 1955. Вып. 16.
40. Рабинович М. Г. Судьбы вещей. М., 1984.
41. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
42. Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929.
43. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
44. Сборная рукопись 1482 г. // Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург). № 6/1083.
45. Сборник XII в. Московского Успенского собора / Изд. А. А. Шахматов и П. А. Лауров. М., 1899.
46. Сказание о Дракуле // Памятники литературы Древней Руси. М., 1983. Вып. 5.
47. Слово Данила Заточника по редакциям XII - XIII вв. и их переделкам / Под ред. Н. Н. Зарубина. Я., 1932.
48. Слово о милости Евфимия Чудовского // ГИМ. Син. № 716.
49. Собрание канонов XIV в. // РГАДА. Ф. 381. № 78. Л. 32.
50. Сообщения Загорского историко-художественного музея. Загорск, 1960. Вып. 3.
51. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3.
52. Срезневский И. И. Сведения и заметки. СПб., 1867. (Вып. 23).
53. Требник XVI - XVII вв. // РГАДА- Библ. арх. МИД. № 439/900.
54. Требник XVII в. // РГАДА. Собр. А. И. Хлудова. № Я 20.
55. Berkner E. Burak i barszcz. Nazwa i rzecz. Krakow, 1880.
56. Pushkariova N. The Russian Woman and Her Property and Legal Status: Was the XVth century the Turning Point? // Atti instituto internatbnale di Storia economia «Fr. Datini». Prato -Florenz, 1990.

Юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов был открыт осенью 1906 г. Широко представленные в учебной программе социальные науки сразу же